

Социальная история отечественной науки и техники

А. С. СОНИН

ПРОТИВОСТОЯНИЕ: АКАДЕМИЧЕСКАЯ И ВУЗОВСКАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ ХИМИЯ*

1

Историки науки уже достаточно хорошо осведомлены о многолетнем конфликте между университетской (точнее, вузовской) и академической физикой, конфликте, наложившем свой негативный отпечаток на социальную историю послевоенной советской науки. Но немногие догадывались, что аналогичные конфликты в те годы раздирали и другие естественные науки, в частности химию.

Конфликт среди физиков носил многоплановый характер [1, 2]. Он начался с непризнания рядом старых вузовских профессоров теории относительности, проходил через непонимание ряда основных положений квантовой механики новым поколением профессоров-физиков и закончился идеологической кампанией по искоренению «физического идеализма». Последняя проходила под аккомпанемент всесоюзной борьбы с космополитизмом, в которой явно был виден слегка завуалированный антисемитизм.

Конфликт между вузовскими и академическими физическими химиками внешне более прост и прямолинеен. Он начался с разногласий по частным, чисто научным вопросам и в социальном плане перерос в борьбу — противостояние — двух школ за ведущую роль в определенном разделе физической химии. Это неминуемо породило личностные конфликты, которые в советском научном сообществе не могли не скатиться в административную и идеологическую плоскость.

Главными действующими лицами в этом противостоянии были известные физико-химики Н. И. Кобозев (см. [3]) и А. Н. Фрумкин (см. [4]). Представляя их главными действующими лицами, мы до некоторой степени отдаем дань конфликтной условности. Первый — Кобозев — был действительно активно действующим лицом, своими жалобами во все инстанции он постоянно поддерживал напряжение, не давая противостоянию заглохнуть. Второй — Фрумкин — был, скорее, бездействующим лицом, так как в социальном плане был пассивен, не писал, не жаловался, но вынужден был иногда отвечать на обвинения.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 96-03-04540).

Оба возглавляли большие научные школы и считались выдающимися специалистами в своих областях.

Николай Иванович Кобозев (1903–1974) родился в Москве. В 1924 г. окончил химический факультет (тогда — отделение) Московского университета и до конца своих дней работал и преподавал там же. Докторскую степень и звание профессора Кобозев получил в 1935 г., а в 1947 г. организовал лабораторию катализа и газовой электрохимии, которую возглавлял до своей смерти. Ученый редкой разносторонности, Кобозев внес существенный вклад в учение о катализе, в термодинамику и электрохимию. В 1939 г. разработал теорию активных ансамблей, в соответствии с которой ответственной за акт катализа является докристаллическая фаза катализатора — атомные группы на поверхности твердого тела. Интерес Кобозева к биологии привел его к попыткам разобраться в кинетике движения живых существ и в термодинамике информации и мышления. Эти работы, по времени совпадавшие с пиком противостояния, о котором мы рассказываем, встретили отрицательное отношение научного сообщества и доставили Кобозеву большие неприятности (см. ниже).

Николай Иванович Кобозев. Фото 1940-х гг.

С 30-х гг. Кобозев активно изучал химические реакции в электрических разрядах. Ему и его ученикам удалось не только установить основные физико-химические закономерности таких реакций, но и разработать методы электросинтеза многих важных химических продуктов. В практическом плане эти работы проводились в Научно-исследовательском институте азота (НИИ Азота), где Кобозев заведовал лабораторией.

Научные достижения Кобозева практически не позволяют судить о его личности, хотя в социальных конфликтах именно личность часто является определяющим фактором. Она приоткрывается ниже в его переписке с партийными органами, в его реакции на критику, в неожиданных поворотах от отчуждения до резкого неприятия своих «социально-научных» противников. Однако для того чтобы сразу были понятны некоторые момен-

ты, укажем, что Кобозев всю жизнь боролся с тяжелой болезнью, которая несомненно наложила отпечаток и на его личность, и на его восприятие конфликта*.

Александр Наумович Фрумкин (1895–1976) родился в Кишиневе. Окончил в 1915 г. Новороссийский университет в Одессе, где работал до 1922 г. По приглашению академика А. Н. Баха в 1922 г. Фрумкин переехал в Москву для работы в Физико-химическом институте им. Карпова. С 1939 по 1945 гг. Фрумкин был директором Коллоидно-электрохимического института АН СССР, который с 1946 г. стал называться Институтом физической химии (ИФХ) АН СССР. В этом институте Фрумкин оставался директором до 1949 г. и заведующим отделом электрохимии — до 1958 г. В 1958 г. он организовал Институт электрохимии АН СССР, который возглавлял до своей смерти. Одновременно с 1933 г. Фрумкин заведовал кафедрой электрохимии на химическом факультете МГУ, т. е. все годы противостояния был коллегой Кобозева, заседая с ним в одном Ученом совете.

Фрумкин считается одним из основоположников современной электрохимии. Он решил знаменитую проблему Вольты о природе электродвижущей силы, ввел в электрохимию понятие о потенциале нулевого заряда. Классическими считаются его работы по строению двойного электрического слоя, где он впервые применил в электрохимии учение об адсорбции. Фрумкин стал основателем нового направления в электрохимии — электрохимической кинетики.

Итак, в отличие от Кобозева, работы Фрумкина сконцентрированы в основном в одной области — электрохимии, где его научные интересы иногда пересекались с интересами Кобозева.

Здесь нужно заметить, что Фрумкин, будучи человеком высокой научной принципиальности, часто весьма резко критиковал работы, казавшие-

Александр Наумович Фрумкин. Фото 50-х гг.

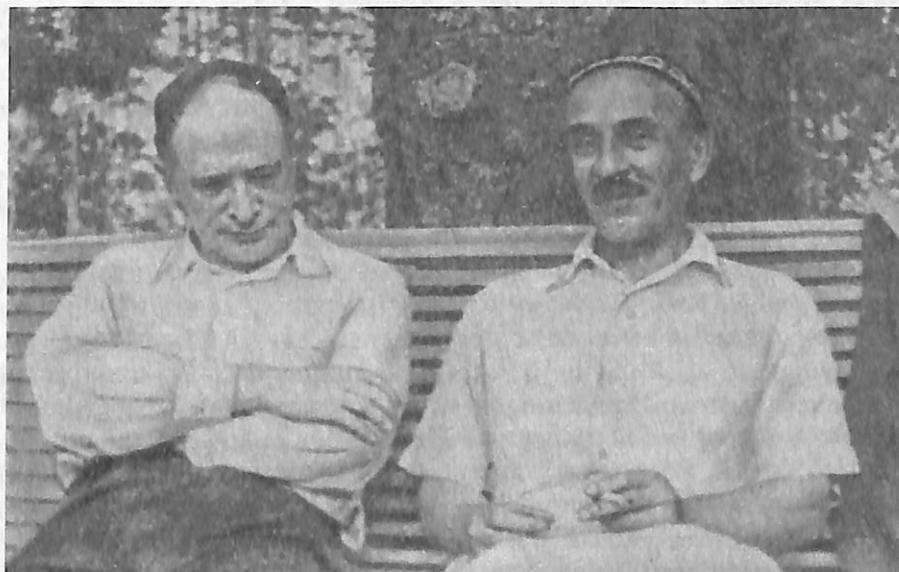
* См.: Солженицын А. Бодался теленок с дубом // Новый мир. 1991. № 11. С. 126–128.

ся ему недостаточно обоснованными (см., например, воспоминания Страны в [4]). Ну, а окружение академика, конечно, вело себя и вовсе агрессивно. Эти обстоятельства породили еще один аспект рассматриваемого противостояния.

Заметим еще, что и Кобозев, и Фрумкин возглавляли большие научные школы, не без основания претендующие на ведущее положение в своих областях. Однако в силу широты своей тематики школа Кобозева претендовала на особое положение в советской физической химии вообще. Естественно, это вызывало соответствующую реакцию у академических физико-химиков, где важное место занимал Фрумкин.

Вообще, борьба школ за лидерство, если она ведется лишь с помощью научных аргументов, имеет важное значение в развитии науки, часто стимулируя научный прогресс. Но в рамках административно-командной системы управления наукой борьба школ часто приобретала негативный смысл, когда научных конкурентов начинали подавлять с помощью административного или идеологического давления. Если же эти рычаги оказывались недостаточны или недоступны, в дело шли такие методы, как нецитирование, отрицательные рецензии, формирование, как сейчас говорят, отрицательного имиджа конкурирующей школы. Увы, в социальной истории советской науки таких примеров более чем достаточно.

И, наконец, последнее замечание. В противостоянии, о котором идет речь, имя Фрумкина часто соседствует с именем академика Н. Н. Семенова — выдающегося физико-химика, основоположника теории цепных реакций. Но Фрумкин и Семенов никогда вместе не работали, их связывали лишь личные взаимоотношения. Более того, Семенов никогда не работал в тех областях, где трудились Кобозев и его группа, неизвестно и его публич-

А. Н. Фрумкин (слева) и Н. Н. Семенов. Фото 1957 г.

ное отношение к этим работам. Он никогда лично не участвовал в этом конфликте, но тем не менее его имя часто мелькает в различных цитируемых ниже документах. В чем же здесь дело?

Во-первых, Семенов был директором Института химической физики АН СССР и, следовательно, одним из руководителей физико-химической науки, а к ним-то и были обращены главные претензии вузовских химиков. Во-вторых, и это тоже немаловажно, к группе вузовских физико-химиков примыкал физик Н. С. Акулов, который вел многолетнюю борьбу с Семеновым, обвиняя его в плагиате у А. Н. Шилова (подробнее см. [5]).

Итак, Кобозев — против Фрумкина, Акулов — против Семенова. Все это вместе, по-видимому, и определило объединение двух академиков и их сотрудников в одну академическую группу.

2

Противостояние зародилось еще в 30-е годы. Каких-либо сторонних свидетелей его начала не сохранилось, поэтому мы вынуждены ограничиться пересказом событий со слов Кобозева, который считал себя потерпевшей стороной.

В своем письме в отдел науки ЦК ВКП(б) (тогда завотделом был Ю. А. Жданов), озаглавленном «О торможении моих научных исследований и их продвижения в промышленность» и помеченном марта 1948 г. [6, л. 128–157], Кобозев рассказывает, как началось это «торможение». Вначале, в конце 20-х гг., группа Фрумкина—Семенова пыталась, как выразился Кобозев, «освоить его», но он быстро понял, что ему «с ними не по пути», и в 1930 г. на конференции по растворам в Днепропетровске пошел на открытый конфликт с этой группой. Дело было так. После доклада В. К. Семенченко, профессора МГУ, выступил Л. Д. Ландау и стал в своей обычной резкой манере «гретировать и оскорблять его при попустительстве председательствующего Я. И. Френкеля» [6, л. 134]. Ряд присутствующих в знак протеста против тона и манеры выступления Ландау покинули зал, а Кобозев заявил председателю оргкомитета конференции А. И. Бродскому, что если Ландау не извинится, то он, Кобозев, снимает свой доклад и уезжает. По-видимому, авторитет Кобозева в своей аудитории был весьма велик, так как Ландау принес свои извинения Семенченко. «Но с этого момента, — пишет далее Кобозев, — мне была объявлена „вендетта“ со стороны группы Фрумкина—Семенова, которая продолжается до сих пор. Кампания по удушению моей научной деятельности проводилась планомерно и систематически, но с соблюдением нужной осторожности, чтобы не впасть в явный, легко уличаемый криминал» [6, л. 134].

Конечно, не эта история послужила истоком противостояния. Такие сценки с участием Ландау часто происходили в 30-е гг. на семинарах и конференциях. В то время молодой Ландау, обласканный и признанный ведущими физиками Европы, «разоблачал и громил» доморошенные авторитеты, какое бы положение они ни занимали в научном мире. Для Семенченко

*Группа сотрудников Физико-химической лаборатории химического факультета МГУ (1928 г.)
Справа во втором ряду Н. И. Кобозев*

Ландау всю жизнь был кошмаром, но доставалось и маститым, таким, как А. Ф. Иоффе и Я. И. Френкель.

Истинной причиной противостояния следует все же считать теорию перенапряжения водорода, опубликованную в том же 1930 г. Кобозевым и его сотрудником Н. И. Некрасовым. Речь шла о решении важной проблемы — о механизме реакции электрохимического выделения водорода на металлическом электроде. Теория Кобозева–Некрасова впервые указала на существенную роль в этом электрохимическом процессе энергии адсорбции реагирующих веществ и продуктов реакции. Но в том же году появилась более общая теория немца М. Фольмера и венгра Т. Эрдейгруза, и школа Фрумкина, приняв именно эту теорию, стала ее пропагандировать.

Естественно, Кобозев счел себя обиженным. Однако эта обида неожиданно приобрела у него политическую окраску. «Выбрать ту или иную теорию было, конечно, его (Фрумкина. — А. С.) неоспоримым правом, — писал он Жданову. — Но дальше уже начался настоящий криминал — прямое предательство Советских ученых — меня и Н. И. Некрасова, в пользу иностранцев» [6, л. 137].

Как же предал Фрумкин советских ученых? Оказывается, вот как: в 1935 г. он редактировал для советского журнала на иностранных языках «Acta Physicochemica URSS» статью Гориути и Поляни. В этой статье было установлено соотношение между перенапряжением и энергией связи, аналогичное найденному в статье Кобозева и Некрасова. На последнюю ссылок нет, но зато в статье Гориути и Поляни есть благодарность Фрумкину за разъяснение одного частного вопроса.

Почему Кобозев решил, что этот «частный вопрос» касался именно соотношения между перенапряжением и энергией связи, неясно. «Случилась, казалось бы, невозможная вещь: редактор Советского журнала печатает статью иностранцев, явно обкрадывающих советских ученых и даже получает от них благодарность!» — патетически восклицает в своем письме Кобозев [6, л. 138].

А тут еще Фрумкин в своем обзоре в «Успехах химии» не упомянул теорию Кобозева—Некрасова, а остановился на теории Гориути—Поляни!

Проблема цитирования всегда болезненно воспринималась и воспринимается в научном сообществе. Во-первых, потому что цитировать всю относящуюся к данному вопросу литературу никого заставить нельзя, да это и физически невозможно сделать. Во-вторых, потому что выбор относящихся к рассматриваемой проблеме ссылок на литературу является вопросом сугубо индивидуального восприятия проблемы. Однако и тогда, и сейчас «индекс цитирования» является до некоторой степени показателем эффективности научной деятельности. Поэтому можно понять недовольство Кобозева, однако трудно понять его глобальные выводы об «удушении» его научной деятельности. Тем более что, по словам Кобозева, вскоре Фрумкин признал его теорию и стал ее цитировать, — но после того, как эту теорию признали на Западе. «Но трудно придумать что-либо более дикое и безобразное, чем передача Советским академиком научного приоритета советских ученых в руки иностранцев и „восстановление“ этого приоритета через других иностранцев» — возмущался по этому поводу Кобозев [6, л. 140].

Далее события развиваются по уже отлаженному сценарию. В 1938–1939 гг. Кобозев создал теорию активных ансамблей. Школа Фрумкина эту теорию не приняла и резко ее критиковала. И здесь Кобозев видит козни и попытки своего «удушения».

3

Во всю мощь противостояние развернулось в середине 40-х годов, причем в нем появились новые нюансы, отражающие политическую и нравственную атмосферу в стране. Кобозев и его соратники стали напрямую обращаться в ЦК ВКП(б), выдвигая против Фрумкина и Семенова политические обвинения.

Первое письмо, адресованное секретарю ЦК А. С. Щербакову, Кобозев направил в 1944 г. По-видимому, оно не сохранилось, но его содержание излагается Кобозевым в другом письме в ЦК [7, л. 31–56].

В этом письме Кобозев сообщал, что в области физической химии сложилось «глубоко ненормальное положение... [когда] все научно-административные позиции захвачены — не заняты в порядке естественного научного соревнования, а именно захвачены — группой А. Н. Фрумкина—Н. Н. Семенова; эта группа и персонально ее глава А. Н. Фрумкин насаждают в нашей науке карликовый, подражательный и никчемный стиль

работы*...; совершенно непристойный пиетет и искательство перед иностранными учеными, культивируемое А. Н. Фрумкиным и Н. Н. Семеновым, роняет достоинство нашей науки и развращает научную молодежь; группа А. Н. Фрумкина—Н. Н. Семенова, пользуясь своим руководящим положением в АН СССР, в ВКВШ**, в комитете по Сталинским премиям, в научной печати, проводит систематическое удушение всех форм научной критики и всех инакомыслящих ученых вместе с областями их работы; такая практика ведет не только к выходу из строя наших отдельных талантливых ученых — через растрату ими энергии, здоровья и жизненных сил в обороне против сплоченной и беззастенчивой в своих приемах группы Фрумкина—Семенова, но и отмиранию важных научных направлений (катализа, электрохимии, термохимии, теории растворов, термодинамики) и отсюда — к все большему снижению уровня нашей физико-химии и все большему ее отставанию от крупных проблем науки и промышленности» (цит. по [7, л. 31–32]).

Итак, речь идет уже не о работах самого Кобозева и его группы, а ни много ни мало о спасении всей советской физической химии. Какие только обвинения в адрес Фрумкина и его школы не выдвигает Кобозев! Тут и захват всех административных постов, и удушение (любимое словечко Кобозева) как отдельных ученых, не согласных с Фрумкиным, так и целых научных направлений, и преклонение перед иностранными учеными, что, по мнению Кобозева, роняет достоинство нашей науки и развращает молодежь.

Последнее обвинение особенно интересно. Письмо писалось в 1944 г. И до кампании по борьбе с космополитизмом еще целых 5 лет. Но, думается, обвиняя Фрумкина в преклонении перед иностранцами, Кобозев каким-то образом сумел уловить еще очень слабое дуновение приближавшейся бури, позже разыгравшейся в советской культуре и науке. Ну, а потом, по мере возрастаания противостояния, Кобозев и его соратники будут вовсю использовать эту беспроигрышную карту в своей игре.

Письмо Щербакову сыграло свою роль. Как пишет Кобозев, вскоре к нему обратился начальник технического отдела Народного комисариата химической промышленности А. Н. Плановский с просьбой дать заключение о работах Института им. Карпова, где Фрумкин занимал должность заместителя директора по научной работе. Кобозев и его сотрудник С. С. Васильев написали такое заключение, что Фрумкина сняли с должности.

«Однако Фрумкин сохранил свою монополию во всех других частях, — пишет Кобозев секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову в апреле 1945 г. — Фрумкину известно о моем письме Щербакову и он начал мстить методом интриг, натравливания, нашептывания». В результате этих интриг ВКВШ

* Любопытно, что почти теми же словами характеризовал стиль работы школы Ландау коллега Кобозева по физическому факультету МГУ Д. Д. Иваненко в 1948 г., в период пика конфликта между академическими и университетскими физиками [2].

** Всесоюзный комитет по делам высшей школы.

отклонил ходатайство о преобразовании кобозевской специальности «Катализ и газовая электрохимия» в соответствующую кафедру, но утвердил кафедру для Семенова, «приятеля и союзника» А. Н. Фрумкина. Некоторые помещения, занимаемые группой Кобозева, деканат химфака передал кафедре колloidной химии П. А. Ребиндера — «активного члена группы» [7, л. 32].

Сообщив об этих своих бедах, Кобозев не преминул, в связи с игнорированием школой Фрумкина своих работ, опять обвинить того в преклонении перед иностранцами (тогда термин «космополитизм» еще не вошел в употребление): «Развитие чужих и притом исключительно импортных теорий для А. Н. Фрумкина абсолютно обычно — он типичный эпигон и подражатель... Это угодничество перед иностранным „мэтром“, доведенное до прямого предательства интересов и приоритета советских ученых, явилось тем поступком, который полностью раскрыл мне глаза на А. Н. Фрумкина» [7, л. 40–41].

«Я обращаюсь в Центральный комитет, — пишет далее Кобозев, — с просьбой оградить мою научную деятельность от скрытого, но систематического преследования со стороны А. Н. Фрумкина и его группы и помочь мне получить нормальные условия для продуктивной работы» [7, л. 47]. И далее следуют конкретные просьбы: о выделении помещения и штатов для лаборатории в МГУ и НИИ Азота, об организации кафедры, о выделении жилой комнаты в лаборатории, а «также о поднятии моего научно-общественного положения до уровня, соответствующего моему месту в науке» [7, л. 47].

Последняя просьба особенно интересна. Оказывается, в те годы у ЦК ВКП(б) можно было просить не только денег, стройматериалов, помещений, штатов, но и «поднятия научно-общественного положения»!

«Научная общественность, — писал далее Кобозев, — рассматривает меня как одного из наиболее крупных и передовых физико-химиков Союза (мне приходится это сказать самому, так как я не могу ожидать честной оценки моего научного лица от официального руководителя физической химии в АН СССР А. Н. Фрумкина). Я считаю, что мои труды оправдывают эту репутацию... И несмотря на мое признанное положение в науке и научной технологии, чьи-то услужливые руки организуют мне последовательную серию общественно-научных „провалов“, чтобы хоть этим сбить мой научный авторитет: меня дважды проваливают на выборах в Академию Наук, проваливают на соискание Сталинской премии, проваливают при организации самостоятельной кафедры. Меня берут в тиски: по мере моих научных успехов, возможности моей работы не растут, а суживаются... Моим здоровьем недобросовестно спекулируют: о нем вспоминают только, когда нужно найти предлог для какого-либо „провала“ (в 1938 г. под предлогом моей болезни А. Н. Фрумкин отвел мою кандидатуру в члены-корреспонденты АН СССР, почти уже принятую)» [7, л. 49]. В связи с этим Кобозев просит ЦК провести объективную и компетентную, «без влияния Фрумкина», экспертизу его работ в Комитете по Сталинским пре-

миям и при очередных выборах в Академию наук обеспечить объективный анализ его кандидатуры, «свободный от влияния группы Фрумкина». Кроме того, Кобозев просит направить на общественное рассмотрение в Менделеевское химическое общество изложенный в письме материал, касающийся «враждебных, недобросовестных и антипатриотических действий А. Н. Фрумкина, направленных к передаче моего авторства в решении важного физико-химического вопроса в руки иностранцев» [7, л. 49].

К этому письму приложен обширный перечень и аннотации важнейших работ Кобозева, выписки из американских статей, где даны ссылки на предложенный Кобозевым метод получения нитрата аммония, и другие материалы, подтверждающие его научную значимость.

Маленков дал письму ход, поручив разобраться в этом деле Кафтанову — председателю ВКВШ, Федосееву — тогда работнику ЦК, впоследствии академику, Александрову — завотделом пропаганды и агитации ЦК и Суворову — завотделом науки ЦК. В результате их деятельности родилась любопытная записка в адрес Маленкова [7, л. 57–59]. Она в основном посвящена исследованию вопроса о неприсуждении Кобозеву Сталинской премии. В записке сообщается, что работа Кобозева «Принцип ансамбля и агривации в катализе» не была опубликована и поэтому представлена в Комитет в виде рукописи, что вообще-то не допускается. Тем не менее она была рассмотрена в секции химии (Дубинин М. М., Наметкин С. С., Несмиянов А. Н., Фрумкин А. Н., Черняев И. И., Медведев С. С., Жаворонков Н. М., Кнунианц И. Л., Кузьминых И. Н., Снитко К. К., Церевитинов Ф. В., Фигуровский А. Н., Лебедев А. Н.), среди членов которой нет учеников и сотрудников Фрумкина. При оценке работ Кобозева Фрумкин никакого давления не оказывал и работу не рецензировал.

. Рецензировали же работу академик Парнас Я. О., профессора Рогинский С. З. и Горбачёв С. В. Только последний дал положительный отзыв. Два других отзыва были отрицательные. Особенно резким был отзыв Парнаса: «Агривационная теория ферментов (в теории активных ансамблей рассматривались и вопросы биохимического анализа. — А. С.) является каким-то глубоким недоразумением — попыткой обобщения совсем узкого кругозора, основанной на сомнительных экспериментах... Эта работа никоим образом не заслуживает Сталинской премии, ни даже того, чтобы ее отметили в положительном смысле. Я не знаю доктора Кобозева, но из его труда видно, что у него отсутствует то, что является необходимым для серьезного ученого: критическое отношение как к своим, так и к чужим мыслям и опытам» [7, л. 57–58].

В связи с такими отзывами секция единогласно решила отложить вопрос до полной публикации и широкого обсуждения теории научной общественностью. Таким образом, говорится в записке, обвинения Кобозева в предвзятости не подтвердились.

Не подтвердились и претензии по поводу неизбрания в Академию — на выборах вакансий по специальности «физическая химия» не было.

Отсюда авторы записи сделали вывод о том, что «попытку профессора

Кобозева дискредитировать акад. Фрумкина как ученого считаем неправильной, т. к. известны крупные работы акад. Фрумкина в области теории электронных процессов, признанные учеными Советского Союза и за рубежом» [7, л. 58]. В то же время авторы записки считают, что поддержки служивает просьба Кобозева об улучшении условий для его научной деятельности. Необходимо выделить штаты и помещения для его лабораторий в МГУ и НИИ Азота. «С проф. Кобозевым о вышеизложенном проведена беседа», — заключают авторы записки.

Конфликт вроде бы исчерпан?

4

Как бы не так! Тотчас же в Президиум АН СССР (копия, естественно, в ЦК ВКП(б) Маленкову) было направлено явно инициированное Кобозевым письмо 15 профессоров — химиков, озаглавленное «Об организации физико-химической науки и физико-химической печати в СССР» [7, л. 198–211]. Письмо подписали завлабораториями Коллоидно-электрохимического института АН Данков П. Д. и Кротов И. В., профессор физфака МГУ Акулов Н. С., профессора химфака МГУ Кобозев Н. И., Семенченко В. К., Васильев С. С. и Фрост А. В., завкафедрой Института цветных металлов и золота Плетнев С. А., профессор Авиационного института Ходаков Ю. В, зав. кафедрой Сельхозакадемии Гапон Е. И., завкафедрой Химико-технологического института Горбачев С. В., председатель комиссии ВНИТО* Тиличеев М. Д., завкафедрой Медицинского института Лепинь Л. К., член-корреспондент АН Думанский А. В., член-корреспондент АН БССР Ерофеев Б. В. Эти профессора составляли ядро вузовской физической химии, и к их мнению невозможно было не прислушаться.

На что же жалуются почтенные профессора? Они развиваются мотивы писем Кобозева о монополизации физической химии в стране «узкой и замкнутой группой, возглавляемой акад. А. Н. Фрумкиным» [7, л. 198]. По мнению авторов письма, в эту группу входят академики Н. Н. Семенов, члены-корреспонденты Д. А. Талмуд, И. А. Казарновский, А. И. Бродский, С. З. Рогинский, Я. К. Сыркин, С. С. Медведев, В. Н. Кондратьев, профессора В. А. Каргин, Б. Ф. Ормонт, Я. Б. Зельдович, Ю. Б. Харiton, Д. А. Франк-Каменецкий и др. Эти имена составляют цвет академической физической химии. Более того, многие из них — гордость и слава всей советской науки.

«Указанные лица, — пишут вузовские профессора, — уже в течение многих лет систематически осуществляют сосредоточение в своих руках основных средств научно-исследовательской работы в области физической химии и захват всей физико-химической печати» [7, л. 198]. По мнению авторов письма 15-ти, никаких оснований для подобного положения группа Фрумкина не имеет. За двадцать лет она не обогатила науки никаким

* Всесоюзное научное и техническое общество.

сколь-нибудь крупным достижением. «Отсутствие даже относительно крупных вложений в науку со стороны группы А. Н. Фрумкина, несмотря на обилие публикуемых статей, объясняется самим стилем работы А. Н. Фрумкина и его окружения, а именно — пренебрежением научно-идейной стороной физико-химического исследования, тяготение к узко-специальным вопросам, отказом от самостоятельных и оригинальных путей в науке» [7, л. 200]. Авторы письма отмечают «постоянное тяготение этой группы к негативному и пессимистическому тону в науке. Не открытия, не изобретения и не новые идеи, а наоборот — абортирование идей, опровержение, отрицательные прогнозы, отрицательные результаты — вот что характерно для группы А. Н. Фрумкина» [7, л. 201].

Переходя к конкретным фактам, авторы письма сообщают, что во главе двух академических институтов стоят ведущие члены группы: Институт физической химии возглавляет А. Н. Фрумкин, а Институт химической физики — Н. Н. Семенов. Зарубежные связи по линии науки контролируются группой (Фрумкин занимает должность вице-президента ВОКС*). Сильно влияние группы в Комитете по Сталинским премиям.

Далее в письме утверждается, что группа монополизировала всю физико-химическую печать. Во главе «Журнала физической химии» (ЖФХ) до 1945 г. стояли Фрумкин и Темкин, сейчас — Семенов и Темкин. В редколлегиях журналов *«Acta Physicochimica URSS»* (редактор Фрумкин) и *«Доклады Академии наук»* (ДАН) (заводделом физической химии Фрумкин) члены группы тоже составляют большинство. По мнению авторов письма, до половины объема этих журналов монополизировали члены группы. Они установили фильтр для чужих статей с помощью предвзятого рецензирования. В связи с этим авторы письма предлагают изменить состав редколлегий, включив в них представителей других школ. Кроме того, они предлагают возобновить издание «Коллоидного журнала», выходившего до войны, а также организовать ряд новых научных журналов. В этих журналах предлагается ввести специальные критические отделы, в которых печатать только статьи, выражающие точки зрения, отличные от официальных.

Так была ли в физической химии монополия группы Фрумкина? Безусловно, была монополия академических физико-химиков, занявших (не захвативших) все ключевые посты в системе государственного управления наукой. Но иначе в административно-командной системе не могло и быть. Власть всегда считала, что ответственной за всю науку в стране является Академия наук. Ей выделялись огромные деньги на исследования, через нее осуществлялись сношения с иностранными учеными, она издавала подавляющее число научных журналов, во главе которых обязательно должны были стоять члены Академии.

При этом власти заботились о престиже сотрудников Академии, доверяя им экспертизу различных проектов, включая во всевозможные комиссии,

* Всесоюзное общество культурных связей с заграницей — единственная организация, через которую можно было осуществлять контакты с иностранцами.

публикуя их мнение не только по научным вопросам. Ну, а статус члена Академии тогда был вообще окружен ореолом некоторого величия. Все это, естественно, приводило к антагонизму между не менее талантливыми, не менее деятельными учеными, работающими в других учреждениях, и сотрудниками Академии. Причем особенно сильно антагонизм проявлялся в верхних эшелонах, среди руководителей институтов, лабораторий, кафедр. Неакадемическая профессура не без основания считала себя задвинутой на периферию научной жизни страны. В этой связи не кажется случайным, что, как по содержанию, так и по тону, письмо 15-ти точно совпадало с обвинениями, выдвигавшимися в 1949 г. университетскими физиками А. К. Тимирязевым, А. С. Предводителевым, Д. Д. Иваненко, А. А. Соколовым и др. физикам академическим — П. Л. Капице, А. Ф. Иоффе, Л. Д. Ландау, В. Л. Гинзбургу и др. Там тоже речь шла о «затирании», «мертвом бойкотировании» университетских физиков со стороны космополитов, «окопавшихся» в Академии [1, 2]. Считающие себя обойденными государственной научной политикой, ограниченные в возможности занять ключевые посты в административном управлении наукой и, следовательно, получить доступ к распределению ассигнований, ущемленные в реализации своих амбиций, вузовские университетские физики (физические химики) боролись за «место под солнцем» доступными им и общепринятыми в системе методами. В те годы шла борьба с «низкопоклонством перед заграницей», с «бездонными космополитами» во всех сферах культуры, и обиженные системой активно использовали это грозное оружие.

На письмо 15-ти академические физико-химики ответили письмом 16-ти в те же адреса [8, л. 1–12]. Первая половина этого письма была посвящена успехам советской химии, особенно химии физической. Вторая половина начиналась такой фразой: «Однако дружная работа советских ученых встречает уже в течение длительного времени серьезные препятствия со стороны определенной группы лиц, упорно и настойчиво сеющих рознь в среде физико-химиков и создающих условия, недопустимые в советском коллективе. Эта группа, возглавляемая членом Белорусской академии Наук проф. МГУ Н. С. Акуловым, проф. МГУ Н. И. Кобозевым, проф. МГУ А. В. Фростом, в ряде записок, направляемых в руководящие органы страны, пытается опорочить крупнейших советских учёных, получивших общее признание как в нашей, так и в мировой науке, дискредитировать советскую физико-химическую науку в целом и ввести в заблуждение руководящих работников, ведающих развитием науки» [8, л. 6]. Далее в письме 16-ти подробно излагаются заслуги Фрумкина и Семенова перед мировой наукой и критикуются работы Кобозева, пытавшегося дать свою трактовку некоторым биологическим проблемам (см. ниже). В связи с этим авторы письма 16-ти замечают: «Достойно сожаления, что Н. И. Кобозев все более становится на путь спекулятивных обобщений, лишенных научного обоснования» [8, л. 10]. Вместе с тем авторы письма 16-ти признают некоторые недостатки в работе научных журналов, устранение которых остается «реально неосуществимым именно из-за этой розни между учеными, которая

В Институте физической химии им. Л. Я. Карпова (30-е гг.)

*Сидят (слева направо): М. М. Файнберг, Я. К. Сыркин, А. Н. Фрумкин, В. А. Каргин;
стоят (слева направо): Я. М. Колотыркин, П. И. Зубов*

питается постоянной и упорной деятельностью основных составителей за-
писки (письма 15-ти. — А. С.)» [8, л. 11].

В заключении письма 16-ти содержится призыв положить конец деятель-
ности группы вузовских физико-химиков во главе с Кобозевым.

Это письмо подписали академик А. Н. Теренин, члены-корреспонденты
Г. В. Акимов, А. И. Бродский, А. Ф. Капустинский, И. А. Казарновский,
В. Н. Кондратьев, С. С. Медведев, П. А. Ребиндер, С. З. Рогинский,
Я. К. Сыркин, академик Академии медицинских наук В. А. Энгельгардт и
профессора Б. В. Дерягин, Я. И. Герасимов, В. А. Каргин, З. А. Роговин,
И. Р. Кричевский.

Итак, противостояние достигло своего апогея. Все лучшие силы совет-
ской физической химии оказались вовлечены в него. Это побудило ЦК
ВКП(б) и Президиум АН СССР к срочному вмешательству.

5

7 декабря 1945 г. в Президиуме АН под председательством президента
АН академика С. И. Вавилова состоялось совещание [9, л. 1–87], на кото-
ром присутствовали большинство авторов письма 15-ти — Кобозев, Дан-
ков, Плетнев, Лепинь, Васильев, Фрост, Гапон, Семенченко, Ерофеев, Гор-
бачев и два автора письма 16-ти — Сыркин и Ребиндер. Присутствовали и
главные «обвиняемые» Фрумкин и Семенов, а также академик Несмея-
нов — академик-секретарь Отделения химических наук АН и профессора
Балезин, Горемыкин, Скворцов, Жигач — начальник Главного управле-
ния университетов ВКВШ и Спицын — проректор МГУ.

Совещание открыл Вавилов. Он напомнил присутствующим содержание письма 15-ти, изредка комментируя некоторые, по его мнению, неверные положения. Например, читая то место в письме, где указывается, что члены группы Фрумкина занимают руководящие посты в Президиуме АН, Вавилов заметил, что ни одно из указанных лиц в Президиуме АН не состоит. В заключение Вавилов сказал, что в письме 15-ти никаких конкретных критических замечаний по существу работ Фрумкина не содержится: «Критика научных работ академика Фрумкина остается пока секретом авторов» [9, л. 8]. Кроме того, Вавилов специально остановился на вопросе об отказе в напечатании статей авторов письма 15-ти. Он самолично проверил ЖФХ, ДАН и *«Acta Physicochimica URSS»* и убедился, что многие из лиц, подписавших письмо, печатались в этих журналах, причем статьи помещались весьма критического содержания. Например, статья Акулова в ДАНе по поводу работы Семенова. Поэтому, по мнению Вавилова, нужно конкретно рассматривать каждую статью и выяснить причину отказа в ее опубликовании.

«Последнее, что я должен сказать, — подвел итог Вавилов, — что на меня эта записка (письмо 15-ти. — A. C.) произвела чрезвычайно тяжелое впечатление именно потому, что в ней главного не было: в ней не было научной критики. Научные споры были и будут. Это вещь неизбежная. Но мы, люди, занимающиеся наукой, прежде всего должны аргументировать наукой. Здесь, кроме субъективных, общих высказываний, что эти люди (группа Фрумкина. — A. C.) пессимисты, что они занимаются узкой областью, ничего, кроме незначащих для всякого мыслящего человека утверждений, нет. Неужели мне надо приводить примеры, когда люди, занимающиеся чрезвычайно узкими вопросами, решают судьбу государства? Неужели надо в научной среде приводить такие аргументы?» [9, л. 11–12].

После выступления Вавилова неожиданно поднялся профессор Скворцов и заявил, что, выслушав такие комментарии, просит присоединить его подпись к группе авторов письма 15-ти.

Вавилов не прореагировал на это выступление и попросил высказаться Фрумкина. Но тот отказался, сказав при этом, что предпочел бы выступить позже, когда авторы письма добавят аргументы.

Тогда слово взял Кобозев. Он сказал, что для научных аргументов их письмо слишком узко, их надо разбирать в научных статьях. Он еще раз подчеркнул два главных момента: монополизацию физической химии группой Фрумкина и характер этой монополизации. Сам факт монополизации, по мнению Кобозева, неплох, если она осуществляется зачинателем какого-либо крупного направления [9, л. 13]. Например, Пастер был какое-то время монополистом в микробиологии, которую он и создал. Область же, в которой работают Фрумкин и его группа, «узкая по своему содержанию, по своей тематике, ибо это не физическая химия в широком смысле слова и даже не электрическая химия от ее крайних берегов, а это область поверхностно-электрохимических явлений» [9, л. 14]. Но и в этой узкой области, по мнению Кобозева, Фрумкин проводит «чисто подражательскую,

эпигонскую линию» [9, л. 15]. Эту свою мысль Кобозев пытался подтвердить рядом примеров, рассматривая работы Фрумкина по проблемам абсолютных потенциалов, водородного перенапряжения, емкости двойного электрического слоя, гидролитической адсорбции. Во всех этих работах, по мнению Кобозева, вклад Фрумкина ограничивается некоторыми уточнениями, а не решением принципиальных вопросов. «Резюмируя, скажу, — утверждал Кобозев, — что стиль работы группы академика Фрумкина несомненно может быть охарактеризован тем, что было сказано в записке (письме 15-ти. — А. С.). Это, во-первых, мелкие физико-химические проблемы — я уверен, что Сергей Иванович никому не сможет доказать, что эти проблемы решают в какой-нибудь мере судьбу какой-нибудь крупной научной проблемы. Крупные научные проблемы этими работами не решаются, не решались и решены быть не могут. Генеральная линия физико-химической науки лежит вне этих работ. Работами Фрумкина в эту проблематику не вносится ничего оригинального, ничего ведущего. Александр Наумович занимает в этом отношении позицию ассистента при каких-то иностранных ученых, идеями которых он пользуется» [9, л. 18].

На выступление Кобозева резко прореагировал Вавилов. Он сказал, что так критиковать недопустимо, что у каждого ученого могут быть неудачи. Что же касается монополизации физической химии, то какая же это монополизация, если ее осуществляют 25 человек?

Вавилова прервал Ерофеев. Он спросил, составил ли Вавилов себе определенное мнение по обсуждаемому вопросу. И после утвердительного ответа Вавилова сказал, что замечание его по выступлению Кобозева производит на него «тяжелое впечатление в том духе, что Вы (Вавилов. — А. С.) не хотите позволить такого обсуждения вопросов, затронутых в записке» [9, л. 21].

Слово взял Горбачев. Он повторил мысль Кобозева о том, что работы Фрумкина не представляют «ничего значительного и особо интересного с научной точки зрения» [9, л. 23]. Поэтому он предложил сосредоточиться на организационных проблемах. В этой области обстановка крайне неблагополучная по двум причинам: монополизация физико-химической печати и монополизация постов в Академии. Поэтому он предложил увеличить число журналов, чтобы авторы могли выбирать, где их точка зрения поддерживается редакцией.

Фрумкин и Вавилов перебили Горбачева и попросили привести конкретные примеры отказа в публикации. Горбачев привел такой пример со своей работой, которую ему вернули с «малокомпетентными замечаниями» [9, л. 28]. «Но важно не это, — продолжал Горбачев, — важно подчеркнуть, что если мы создадим монополистическое положение в редактировании журналов, то тем самым на самого редактора возлагаем очень большие трудности в части объективного редактирования. Это житейски ясная и простая вещь. Мне кажется, что правильнее было бы, если бы в редактировании большого всесоюзного значения научного журнала были представлены разные научные школы» [9, л. 28].

Далее разгорелась не совсем понятная полемика между Фрумкиным и Васильевым по поводу оснований, по которым к группе Фрумкина были причислены Талмуд и Кричевский. В связи с этим Вавилов пояснил, что Талмуд был избран в члены-корреспонденты как физик еще в 1931 г. в Ленинграде, где Фрумкин не жил и не работал.

Затем слово взял Ребиндер. В первой части своего выступления он подверг критике сами принципы, по которым Кобозев объединил в одну группу совершенно разных по научному стилю и направлениям исследований Фрумкина и Семенова, Рогинского и Медведева. Он сам, Ребиндер, не приналлежит ни к какой группе.

Далее Ребиндер подробно остановился на работах Фрумкина. Резюмируя, он сказал: «Это дает мне основание совершенно определенно заявить, что имеется совершенно невероятное извращение истины, как в записке, так и в сегодняшних выступлениях, в частности Кобозева, которое является опять-таки извращением действительности» [9, л. 33]. В связи с этим, отметил Ребиндер, Кобозеву и его группе важны не научные результаты Фрумкина и др. «Важны какие-то неопределенные мелочи, важен не нравящийся стиль нашей работы! Важны отдельные обиды, отдельные допущенные ошибки. И Кобозев недаром здесь оговорился, очевидно, он высказал свои сокровенные мысли, когда он сказал, что стиль в науке не менее важен, чем существо. Это совершенно чудовищная установка!» [9, л. 34].

Здесь слово взял Фрост, который пытался начать научную полемику по поводу того, кто и как ввел некие термодинамические формулы, относящиеся к теплоте образования поверхностного слоя, однако не встретил понимания присутствующих.

Гапон остановился на монополии группы Фрумкина–Семенова в ЖФХ, в котором чинятся препятствия опубликованию статей вузовских ученых. Он привел пример некомпетентного отзыва на одну из своих статей, которая на основании этого отзыва была отклонена.

Еще один из подписавших письмо 15-ти, Данков, в своем выступлении подчеркнул в который раз, что работа группы Фрумкина лишена творческой инициативы, творческого содержания. А в результате монополизации физической химии из академических институтов уже ушла большая группа ученых.

Слово взял Васильев. Он очень эмоционально начал говорить о групповщине: «У нас существует некая определенная группа, которая по каким-то неизвестным основаниям присвоила себе право высшего арбитража» [9, л. 49]. Члены группы, по мнению Васильева, превозносят друг друга, однако на самом деле оснований к этому нет. И опять Васильев пытался показать, что работы Фрумкина решают лишь частные задачи. Затем он обвинил Фрумкина, что тот «тащит» Талмуда, «вытащил» его из Днепропетровска и «дотащил» до члена-корреспондента АН. То же самое и с Медведевым и Гальпериным — они завалили важные работы, а их выбрали в Академию. «Товарищи, — восклицает Васильев, — существуют ли обиды? Некоторые товарищи говорили: в чем здесь обида? А я скажу: обида есть. Я

обижен за физическую химию. Это безусловно обидно, потому что не может человек, который провалил крупнейшую техническую проблему, так совершенно легко и просто быть проведен в члены-корреспонденты Академии наук» [9, л. 56].

Эта часть выступления Васильева еще раз ясно показала, что одной из основных, если не главной причиной появления письма 15-ти, да и всего противостояния между группами Фрумкина–Семенова и группой Кобозева является неудовлетворение амбиций последних — нереализованные претензии на места в Академию наук.

Затем слово было предоставлено проректору МГУ Спицыну. Он констатировал, что с образованием физико-химических институтов в системе Академии наук университетская физическая химия «захирела». МГУ хочет создать хорошие условия для работы и Фрумкину, и Кобозеву, но не может. «Университет, прямо с горечью можно говорить, находится в отношении помещений и оборудования в нищенском состоянии, унижающем наше достоинство», — сказал Спицын [9, л. 64]. Поэтому надо создать нормальные условия для работы вузовских физико-химиков.

Затем выступил Фрумкин. В своем большом выступлении он четко ответил на все обвинения авторов письма 15-ти.

Первое — отставание физической химии у нас от западноевропейской. С цифрами в руках Фрумкин показал, что это не так.

Второе — о подражании западноевропейским работам. Фрумкин на конкретных примерах продемонстрировал, что он больше чем кто-либо из советских ученых критиковал иностранных физико-химиков. «Я считаю, — сказал Фрумкин, — что наша советская физическая химия, в создании которой я имел честь принимать участие, в большей степени является оригинальной и независимой, чем те физико-химические направления, которые неправильно упоминаются группой Акулова–Кобозева» [9, л. 74].

Третье — вопрос о группе. Фамилии членов группы Фрумкина подобраны тенденциозно. Ко многим он не имеет никакого отношения.

Четвертое — почему не цитируется работа Кобозева и Некрасова. «Сделана эта работа экспериментально чрезвычайно небрежно, неубедительно, поэтому ее недостаточно и цитируют. В ней есть, тем не менее, некоторые мысли, я думаю, правильные» [9, л. 80]. Фрумкин сам цитировал эту работу в статье «Успехи физической химии за 20 лет».

С цифрами в руках Фрумкин показал, что за 1944–1945 гг. в ЖФХ и *Acta Physicochimica URSS* опубликовано 105 работ, из которых 31 принадлежит сотрудникам Академии наук, а 38 — сотрудникам вузов. Таким образом, претензии авторов письма 15-ти по поводу искусственного сдерживания их публикаций неправомерны. В заключение Фрумкин сказал присутствующим авторам письма 15-ти: «А ваше письмо — это своего рода документ, для составления которого у авторов нет достаточных аргументов и он деловой цели не преследует» [9, л. 86].

С такой оценкой согласился и Вавилов: «Для меня первая часть записи этой совершенно недоказательна и кажется мне весьма ошибочной. Что же

A. N. Фрумкин. Фото 1955 г.

касается второй части записки, то подняты вопросы совершенно правильно, в этом отношении записка Академией наук должна быть учтена — необходимо расширить состав редколлегий и поддержать создание новых журналов» [9, л. 87].

Таким образом, совещание фактически кончилось ничем. Вузовские физико-химики не добились ни одной из поставленных ими целей. Чуда не произошло: Фрумкина и Семенова не сняли со своих постов, их и других членов группы не выгнали из Академии наук, а вместо них не выбрали Кобозева и его коллег. Им были сделаны лишь небольшие уступки: в редакционную коллегию ЖФХ были введены вузовские профессора Акимов, Герасимов, Горбачев, Жданов, Изгарышев, Колотыркин, Саркисов. Главным редактором стал член-корреспондент АН Н. А. Изгарышев, известный электрохимик, профессор Химико-технологического института, человек нейтральный, а его заместителем стал Горбачев, подписавший письмо 15-ти. Кроме того, главным редактором возобновленного «Коллоидного журнала» был назначен еще один из авторов письма 15-ти — Думанский.

Оценка партийных органов была также однозначной. В записке, составленной заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Алексан-

дровым и заведующим отделом науки ЦК ВКП(б) Суворовым для секретаря ЦК Маленкова [10, л. 212–215], говорилось, что «партийные, советские и академические органы неоднократно рассматривали письма профессоров Акулова, Фроста, Кобозева, обвиняющих академиков-химиков в монополии, но каждый раз их обвинения не находили подтверждения» [10, л. 215]. Фрумкин и Семенов, говорилось далее в справке, работают в сравнительно узких областях физико-химической науки и не могут быть ответственными за состояние всей физической химии в СССР. Оба они не входят ни в состав Президиума АН СССР, ни в состав руководящих органов химического отделения Академии.

Да, формально это так. Но вряд ли такие изощренные в интригах опытнейшие политики, как Александров и Суворов, забыли, какое важное значение имеют неформальные связи, основанные на обоюдном интересе, авторитете и уважении. Здесь они покривили душой, ибо их главной целью было погасить конфликт, не дать ему вылиться в широкое общественное обсуждение, где главными обвиняемыми были бы академики, занятые в работах по оборонной тематике. И чтобы не возникало никаких сомнений в их добросовестности, Александров и Суворов провели собственное расследование вопроса о публикациях. «Проверка показала, — говорится в записке, — что имели место лишь следующие случаи отклонения их (вузовских физико-химиков. — А. С.) статей: в 1944 г. редакция ЖФХ отклонила статью Акулова, содержащую недобросовестные попытки опорочить работы акад. Семенова о цепных реакциях и доказать наличие plagiatu советских ученых у немецких, вопреки твердо установленным фактам*; в 1945 г. редакция этого же журнала, напечатав 5 статей Кобозева, отклонила одну из них как не отвечающую профилю журнала, не встретив каких-либо возражений автора; журнал *«Acta Physicochimica URSS»* в 1945 г. вернул статью проф. Семенченко, которому было предложено сократить его весьма пространную работу, оставив в ней только оригинальную часть. Все эти случаи отклонения следует признать вполне обоснованными» [10, л. 212–213].

Итак, противостояние на время было приглушено. Однако оно продолжалось!

6

Конфликт возобновился через два года. На этот раз от имени университетских физико-химиков выступили только Кобозев и его ближайшее окружение. И в соответствии с духом времени на передний край борьбы выступают обвинения в антипатриотизме («бездорными космополитами» антипатриотов стали называть с февраля 1949 г. после одноименной статьи в газете «Известия»).

Кобозеву на отзыв пришла программа по физической химии для химико-

* На самом деле Акулов обвинял Семенова в plagiatu у Шилова. Подробнее см. [5].

технологических специальностей вузов. Рутинное вроде бы дело, такие программы время от времени рассылаются всем ведущим профессорам по данной специальности. Но программу, по поручению ВКВШ, составил Сыркин — «активный член группы Фрумкина». Естественно, Кобозев посчитал, что «этот вариант программы является неудовлетворительным с двух сторон: со стороны научно-учебного содержания и со стороны духа советского патриотизма, т. е. полноценного отражения достижений советских физико-химиков и искоренения раболепия перед зарубежной наукой» [11, л. 91]. Об этом он и поспешил информировать ЦК ВКП(б) [11, л. 91–106].

Оставим в стороне «научно-учебное содержание» и посмотрим специальный раздел отзыва, озаглавленный Кобозевым «О духе советского патриотизма».

Кобозев считает, что «главная задача — ввести в программу достижения русских советских ученых, показать, что мы не идем на поводу у зарубежной науки, а во многом ведем ее за собой» [11, л. 95–96]. Против этого тезиса вряд ли можно спорить. Однако возражения тут же возникают, как только всплывают конкретные фамилии «русских советских» физико-химиков. Кобозев с негодованием отмечает, что в программе упомянуты только Фрумкин и Семенов: «Получается слишком знакомая, к сожалению, картина самой низкопробной групповщины и протаскивания „своих человечков“ куда только можно, вплоть до официальных программ для высших учебных заведений с одновременным замалчиванием всех остальных советских физико-химиков, картина, свойственная всей деятельности группы Фрумкина–Семенова» [11, л. 97]. И далее: «Сыркин не в состоянии назвать крупные оригинальные достижения ученых этой группы, к которой он принадлежит,... а приводить достижения и имена других советских физико-химиков ему не позволяет групповая дисциплина, очень твердая дисциплина, в которой воспитаны и держатся Фрумкиным все члены его группы» [11, л. 99].

Итак, вновь монополия группы Фрумкина–Семенова. Но на этот раз она монополизировала право представлять всю советскую физическую химию в учебной программе. Насколько это обвинение справедливо, сказать трудно, так как вклад того или иного деятеля не связан с тем, упоминается или нет его имя в программе. В программе не запрещено рассказывать о каждом выдающемся советском физико-химике при рассмотрении соответствующего раздела курса. В то же время можно понять, зная историю отношений между Фрумкиным и Кобозевым, чувство последнего, когда опять, на этот раз в программе, мелькают ненавистные имена, а его имени, увы, опять нет.

Однако Кобозев понимает, что это слабый аргумент для обвинения Сыркина и всей группы в антипатриотизме. Поэтому в ход идет «принижение русской физической химии в целом» [11, л. 100]. Заметим, что не отечественной, а русской. И это подчеркивается.

Оказывается, в программе закон Гесса (Гесс родом из Швейцарии!) назван правилом Гесса, закон Коновалова — правилом Коновалова, не упо-

мянты закон Бачинского, теории Баха и Кистяковского, работы Шилова.

В заключение своего отзыва Кобозев пишет: «Программа Сыркина антипатриотична, она принижает советскую науку и внушает студенчеству представление о второсортности и неполноценности русской научной мысли» [11, л. 100–101].

С такой оценкой трудно согласиться. Ясно, что такой резкий политический приговор программе по курсу физической химии диктовался соображениями отнюдь не научными и педагогическими.

Тему антипатриотизма, в ряду других, подхватил и развил ближайший ученик Кобозева Васильев. 16 января 1948 г. он направил обширнейшую (на 65 страницах) «Докладную записку» (так у Васильева. — А. С.) на имя секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецова [11, л. 1–65].

В пространном введении Васильев обращает внимание Кузнецова на то, что после совещания у Вавилова (см. выше) руководство Академии наук не приняло действенных мер по пресечению «линии позорнейшего раболепия перед иностранцами» группы Фрумкина—Семенова. «В течение многих лет и до настоящего времени, — пишет Васильев, — А. Н. Фрумкин, Н. Н. Семенов и их воспитанники ведут систематическую борьбу против самостоятельности Советской химии, они особенно подчеркивают, что все передовые идеи приходят к нам всегда из Западной Европы или Америки, и пропагандируют взгляд, согласно которому советским ученым остается лишь „полезный труд“, „детализация“ областей науки, толчок к развитию которых дают западные ученые» [11, л. 3].

Но, к счастью, продолжает Васильев, в нашей стране издавна существовала самостоятельная химия, классики которой «являются примером широты размаха русской революционной мысли, ниспровергающей фетишизм в науке и закладывающей фундамент для созидательной деятельности многих миллионов Советских Патриотов» [11, л. 3].

Поскольку классики могут служить «образцом и источником вдохновения для Советских Патриотов», группа Фрумкина—Семенова еще в 1931 г. составила коварный план, направленный на «принижение и искажение труда Д. И. Менделеева по созданию им периодического закона элементов» [11, л. 4]. Этот план Васильев детально разоблачает в разделе записи, озаглавленном «Случай принижения значения периодического закона Д. И. Менделеева». Он сообщает, что в 1931 г. вышел в свет переводной учебник немецкого ученого Эггерта. В редактировании учебника приняли участие Семенов, Фрумкин и Рогинский. В этой книге сказано, что периодическую систему элементов независимо открыли Мейер и Менделеев. «Здесь, как видно, — возмущается Васильев, — пропущена в советскую печать фальсификация, состряпанная в Германии и своевременно полностью разоблаченная в русской и мировой литературе... Но Н. Н. Семенову, стоящему на почве недоверия в мощь русских классиков науки, это было „неизвестно“» [11, л. 7].

В 1935 г. вышел в свет перевод книги И. Бьерумма «Краткий курс неорганической химии» под редакцией И. А. Казарновского — «члена группы».

Казарновский попросил Бьерумма написать специальное предисловие к русскому изданию. «И здесь имя Лотара Мейера поставлено на первое место, — возмущается Васильев. — Где же редактору, который просит „иностранные светило“ написать специальное предисловие к переводу книги, исправить „промах“ заграничного „учителя“» [11, л. 9].

«Принижение» Менделеева Васильев видит в книгах Э. Шпольского «Атомная физика» и А. И. Бродского «Физическая химия». В последней периодическая система представляется как эмпирическая закономерность, которую Менделееву не удалось объяснить. Объяснение же стало возможным только в рамках атомной модели Бора.

«Вообще, — продолжает Васильев, — с горечью и возмущением можно заметить, что во всех публикациях, выходящих под эгидой группы Фрумкина–Семенова, строго проведена установка: ни в коем случае периодический закон не связывать крепко с именем Д. И. Менделеева» [11, л. 12]. Подтверждение этого Васильев видит в книге Сыркина и Дяткиной «Химическая связь и строение молекул». В этой книге Сыркин «пытается смотреть на Менделеева сверху вниз. Он не только упрекает Менделеева за „смутность“ и „неясность“ его мышления, но как бы давая понять, что остальные труды Менделеева вообще утратили уже какое-либо значение» [11, л. 14–15].

Сыркин, а вместе с ним и Ландау, как заметил Васильев, стараются не упоминать лишний раз имени Менделеева. Так, лекция Сыркина в октябре 1947 г. называлась просто «Периодическая система элементов». Так же называлась и статья Ландау в «Вестнике АН СССР» за 1947 г., посвященная 40-летию со дня смерти Менделеева.

«Из вышеизложенного вытекает, — делает заключение Васильев, — что против творца периодического закона — Менделеева — велась и ведется систематически организованная „кампания“... Ряд авторов стремится установить зависимость великого открытия Д. И. Менделеева от Л. Мейера и даже Ньюленда... Все перечисленные авторы всеми силами стремятся оторвать название периодического закона от имени Д. И. Менделеева, „обосновывая“ этот антипатриотический поступок ложным заявлением о том, что квантовая механика будто бы полностью вскрыла природу периодичности свойств элементов» [11, л. 19].

Приведенные Васильевым примеры «принижения» заслуг Менделеева вряд ли звучали убедительно даже в те годы, когда начинала разворачиваться мощная кампания по борьбе с космополитизмом. В иностранных руководствах, да еще написанных в 30-е гг., Менделеев не упоминался большей частью по незнанию. Ну, а претензии на включение имени Менделеева во все заголовки статей и докладов, посвященных периодическому закону, просто смешны. Что же касается замечания о том, что квантовая механика «будто бы» полностью вскрыла природу периодичности, то тут «будто бы» совершенно неуместно. Квантовая механика и основанная на ней современная теория строения атомов объяснила периодический закон Менделеева.

Тема «принижения» открытия Менделеева получила неожиданное развитие в студенческой аудитории. Газета «Комсомольская правда» опубли-

ковала подборку «Вклад русских ученых в науку об атоме» [12], в которой сообщала о состоявшейся в МГУ студенческой конференции на эту тему. Одним из организаторов этой конференции был Васильев. И можно не сомневаться, что он вложил в уста аспиранта В. Лебедева рассказ о «принижении» Менделеева в переводном учебнике Эггерта, конечно, с указанием, кто был редактором перевода, и в учебнике Ф. Гетмана и Ф. Даниельсона (перевод под редакцией «члена группы» Капустинского). И заключительная фраза доклада аспиранта так хорошо знакома по письмам Васильева и Кобозева: «Попытки умаления роли Менделеева есть не что иное, как стремление изобразить самобытную и могучую русскую науку зависимой от „западных образцов“» [12].

Однако вернемся к записке самого Васильева. Второй ее раздел называется «Другие примеры идеологического раболепия перед иностранщиной со стороны А. Н. Фрумкина, Н. Н. Семенова и их воспитанников». Эти другие примеры, по мнению Васильева, непосредственно следуют из «принижения» Менделеева. «Стремление принизить открытие Д. И. Менделеева, — пишет он, — имело целью доказать, что не может быть у советских патриотов своего пути в науке, что единственным правильным является „повторение задов“ вслед за заграничными „светилами“ и что всякий, посягающий на самостоятельность, должен быть подвергнут насмешкам и притеснениям» [11, л. 20].

Такая антипатриотическая позиция, по мнению Васильева, вытекает из того, что Фрумкин и Семенов считают себя учениками и последователями только иностранных ученых. Так, Фрумкин учился в Страсбурге и Берне, а позже работал в США. Но Семенов за границей не учился и не работал, и поэтому, чтобы выдержать свою логику, Васильев далее обрушивает свои обвинения только на Фрумкина. «Таким образом, А. Н. Фрумкин, встав в горделивую позу „просветителя“, фактически всю свою деятельность в СССР посвятил бесплодному стремлению повернуть развитие советской науки обратно, вспять — на „заграничную“ ориентацию, на импорт идей из-за границы, находясь в полном диссонансе с прогрессивным развитием Советского Союза, ориентирующегося прежде всего на собственные силы, на труды, подвиги и идеи широких народных масс, его населяющих», — пишет далее Васильев [11, л. 21].

В чем же проявился антипатриотизм Фрумкина? Оказывается, в том, что по его инициативе был организован журнал *«Acta Physicochimica URSS»*, публиковавший статьи советских ученых на иностранных языках*. Далее, в том, что предпочел теорию Фольмера и Поляни теории Кобозева и Некрасова. Затем, в том, что, разрабатывая в течение 20 лет теорию двойного электрического слоя, подчеркивал важность работ Вольты, Гельмгольца, Гуи и Штерна. «Что же это, как не демонстрация перед всем миром того факта, что академик А. Н. Фрумкин готов превратить Советский Научный

* Уже в 1947 г., в самом начале борьбы с космополитизмом, советские журналы на иностранных языках были закрыты.

Институт в филиал лаборатории О. Штерна», — восклицает Васильев [11, л. 23].

Еще «яркий пример нелепо-раболепного преклонения перед иностранной» — в списке работ Фрумкина более 30 статей, опубликованных на иностранных языках, и только 3–4 — на русском.

Все эти обвинения явно нелепы, но в то же время они имели вполне определенный вес. Однако кажется, что для Васильева эти обвинения не очень важны, он упоминает о них вскользь, торопясь перейти к главному — к рассказу о «борьбе» Фрумкина против Кобозева. Здесь Васильев подробно приводит все уже достаточно известные (см. выше) обвинения в «удушении» научной деятельности Кобозева.

Последняя часть этого раздела записки посвящена антипатриотической деятельности Семенова. «Основные „установки“ Н. Н. Семенова, — пишет Васильев, — это возвеличивание классиков науки зарубежных стран, замалчивание, принижение и искажение работ классиков науки отечественной, недостойное подобострастие перед современными иностранными учеными и беззастенчивое грубое пренебрежение к советским физико-химикам, не желающим следовать недостойной линии Фрумкинско-Семеновской группы» [11, л. 28]. Эти «установки» Семенова, по мнению Васильева, проявляются, в частности, в отсутствии имени Ломоносова в указанной выше книге Эггерта, в редактировании перевода которой принимал участие Семенов, и в посвящении им своей книги «Цепные реакции» С. Аррениусу и Я. Вант-Гоффу. Семенов активно поддерживает в качестве самостоятельной дисциплины химическую физику, которая, по мнению Васильева, по содержанию не отличается от физической химии, основоположником которой является Ломоносов.

Термин «химическая физика» ввел немецкий ученый А. Эйкен для обозначения некоторых специальных разделов физической химии, относящихся, в частности, к кинетике химических реакций. Этот термин получил широкое распространение на Западе. Но Васильев усматривает здесь политический смысл. «Понятно, конечно, — пишет он, — что шовинистический немецкий ученый Эйкен не мог помириться с тем фактом, что основоположником физической химии является русский крестьянин Архангельской губернии Михайло Ломоносов. Вот Эйкен и решил разорвать связь с ломоносовским направлением в физической химии» [11, л. 33–34]. Семенов же стремится «закрепить» этот разрыв, так как «до сих пор использует без ссылок на Н. А. Шилова его идеи и даже формулы в своих работах» [11, л. 36].

Но это, по-видимому, не главное. Основная же причина состоит, по мнению Васильева, в том, что Семенов «был крайне заинтересован в том, чтобы иностранные ученые „благословили“ его на роль их „наместника“ в СССР в вопросе об учении в цепных процессах. Н. А. Шилов служил здесь неприятной помехой, которую Н. Н. Семенов и договорился (!) с иностранцами „устранить“ с пути» [11, л. 36].

Еще много разных нелепостей содержится в «Докладной записке» Васильева в высокую партийную инстанцию. Но особое его возмущение вы-

звало сообщение ученика Семенова Н. М. Эмануэля о том, что в 1942 г. на конференции в Советском Союзе присутствовали и делали доклады иностранные физико-химики: «Подумать только: эти строки, в которых выражается восторг по поводу посещения СССР немцами Франкенбургом и Швабом и признания ими „советской кинетической школы“, писались и печатались в Советском журнале в 1942 г., т. е. тогда, когда Советская Армия и весь Советский народ вели героическую войну с фашистскими палачами, разорившими нашу Родную Землю!» [11, л. 39].

Еще один раздел записки Васильева посвящен борьбе группы Фрумкина—Семенова за монополию в советской физической химии. Здесь опять приведены обвинения в «затирании» группы профессоров МГУ, знакомые нам по письмам Кобозева. Однако появился и другой мотив: Васильев обвиняет П. Л. Капицу — «друга группы», по выражению Васильева — в разработке некоей теоретической базы, унижающей профессоров вузов. В 1943 г. в «Вестнике АН СССР» Капица высказал свои соображения об организации научных исследований в нашей стране [13]. Он считал, что Академия наук должна руководить всеми фундаментальными исследованиями, независимо от того, ведутся ли они в системе Академии или в вузах. При этом, говоря о профессорах вузов, Капица заметил, что их главная задача — учить, готовить научную смену, а не вести серьезные фундаментальные исследования. Такая позиция Капицы, оказывается, имела далеко идущие коварные цели. «Злобная клевета П. Л. Капицы, — пишет Васильев, — по адресу профессоров советских вузов имела цель дезориентировать общественное мнение и дезинформировать руководящие советские органы о том, чтобы, сведя научную работу в университетах и вузах до минимума, лишить советскую науку одного из важнейших творческих звеньев» [11, л. 44].

Наконец, в последнем разделе записи, озаглавленном «Борьба группы Фрумкина—Семенова с существованием лабораторий неугодных им лиц и создание ими преград к промышленной реализации физико-химических процессов», Васильев повествует о том, что, будучи научным руководителем Института им. Карпова, Фрумкин «повел борьбу за ликвидацию лабораторий прикладного характера» [11, л. 53]. Кроме того, Фрумкин якобы повинен в ликвидации Коллоидно-электрохимического института, хотя известно, что этот институт был преобразован в Институт физической химии АН.

Какие же цели, по версии Васильева, преследовал Фрумкин, ликвидируя прикладные лаборатории? Оказывается, очень антипатриотические. Если ликвидировать лаборатории, разрабатывающие новые материалы и технологии, то страна будет вынуждена покупать и то и другое за границей. Вот это и нужно группе Фрумкина—Семенова!

Более того, Васильев подозревает Семенова в еще более тяжком поступке. Дело в том, что в свое время Семенов неосторожно заметил, что путь овладения внутриатомной энергией еще слишком сложен для техники настоящего времени. «Впал ли Н. Н. Семенов в этом случае в ошибку, будучи подавлен авторитетом зарубежных ученых, которые еще не сказали своего

слова и раньше которых Н. Н. Семенов не решался высказаться положительно о возможности практического использования внутриядерной энергии сам? Или, быть может, он хотел просто-напросто отвлечь внимание советских исследователей от важнейшей практической проблемы нашего времени? Это трудно решить...» [11, л. 63]. Вот так трактует Васильев мнение Семенова, делая провокационный акцент на последнем предположении.

В связи с этим как не вспомнить нелепые обвинения в шпионаже, которые выдвигал Н. С. Акулов в адрес Мандельштама, Папалекси, Капицы и Иоффе (см. подробнее в [2]). Кстати, подпись Акулова стоит первой под письмом 15-ти, о котором мы рассказали выше.

Заканчивает Васильев фразами, которые позволяют уверенно отнести его «Докладную записку» к жанру доноса: «Приведенные в настоящей записке данные с несомненностью показывают существование последовательно проводимой системы во всех действиях, вдохновителями и руководителями которых являются А. Н. Фрумкин и Н. Н. Семенов.

Какой смысл имеет эта система, какую она имеет целеустремленность?

Одно несомненно и ясно: поток публикаций с 1931 по 1947 гг., в которых приижается заслуга Д. И. Менделеева в открытии им периодического закона элементов, пренебрежительное отношение к другим классикам отечественной науки, идущее рядом с этим подобострастнейшее раболепие перед зарубежными учеными и, наконец, неуклонная борьба против самостоятельно мыслящих советских физико-химиков — все эти действия, предпринимаемые с некоторыми вариантами одной и той же группой лиц, не могут быть простой случайностью, простым совпадением...» [11, л. 64–65].

Вслед за этой запиской Васильев обрушивает на ЦК еще ряд таких же основательных сочинений. Среди них: «Разбор работ академика Фрумкина» (февраль 1948 г.), «Академик Фрумкин как бывший руководитель института им. Карпова» (апрель 1948 г.), «О неустранимых противоречиях в работах академика Семенова» (май 1948 г.), «О вредном влиянии академика Фрумкина на развитие советской физической химии» (июнь 1948 г.), «По поводу клеветы, возведенной на меня сотрудниками Фрумкина» (июнь 1948 г.), «Справка о мерах, предпринимаемых группой Фрумкина к замалчиванию и принижению научно-исследовательских работ проф. Кобозева» (июль 1948 г.).

Сам Кобозев тоже не молчал. Уже 8 февраля 1948 г. он пишет А. А. Кузнецовой и М. А. Суслову в ЦК письмо [14, л. 70–73], где популярно разъясняет, что физическая химия является основой новой техники. «Но эта новая техника, — пишет он, — не может родиться из возни с узкими и мелкими, утратившими актуальность, вопросами; из отказа от самостоятельного научного мышления и безоглядной ориентации на зарубежную науку; из переключения 90% средств и усилий на вопросы, обеспечивающие быструю

печатную продукцию (отсюда — степени, звания и проч.), но не имеющие выхода ни в технику как таковую, ни в ведущие области науки: термодинамику, катализ, кинетику, электрохимию, химию высоких напряжений, газовую электрохимию, учение о модифицировании веществ и т. п.

Между тем, именно такие, по существу, установки в течение длительного времени прививались Фрумкиным и его окружением (Жуховицкий, Темкин, Сыркин, Медведев, Кричевский и др.) в значительной области физической химии, бывшей под его влиянием.

В результате создалось положение, когда всякая новая научная идея или теория, выдвигаемая советскими физико-химиками, подвергается острокритику или замалчиванию, всякий новый советский метод в области физико-химической технологии сразу же наталкивается на недоверие и опорачивание и, этим, обрекается иногда на десятилетнее (это не преувеличение) блуждание по „инстанциям“ [14, л. 70–71].

По мнению Кобозева, исключительную роль в этом сыграл тот факт, что ЖФХ находился под безраздельным влиянием группы Фрумкина–Семенова. «Как в фокусе этот стиль отразился в юбилейном (30 лет) журнале: самореклама, засорение науки мелочами, антипатриотическое принижение советской науки ради групповых целей, дезинформация научной общественности» [14, л. 72]. Этот стиль проникает в вузы, что видно из программы по физической химии, составленной Сыркиным. «Здесь имеется, — пишет далее Кобозев, — общий фронт с полным единством целей и методов, и одна из этих целей — любыми средствами удержать за группой Фрумкина–Семенова „монополию“ в физической химии, застраховать это монопольное положение от напора критики, новых идей и свежих сил... Печатное разоблачение этих уродливых явлений могло бы сыграть большую роль в оздоровлении атмосферы в области физической химии и резком повышении коэффициента полезного действия» [14, л. 72–73].

В связи с этим Кобозев просит ЦК способствовать опубликованию его статьи «Как замалчиваются советские ученые в советском научном журнале», которую он направил в газету «Культура и жизнь».

К письму приложена и сама статья [14, л. 75–90]. Она выдержана в худших традициях кампаний по борьбе с космополитизмом. Начинается она, естественно, с обличения глобальных козней империализма: «Один из методов борьбы капиталистического Запада против русского народа — замалчивание русских ученых и их достижений. Подчинить себе самосознание, привить русскому народу чувство культурной, интеллектуальной неполноты, превратить его этим путем в вассала западно-европейской культуры, а из России сделать свою колонию — таковы были намерения капиталистического мира. Желание надеть на советский народ ярмо капитала и сейчас остается не только мечтой, но и программой действия современных империалистов» [14, л. 75].

В эти планы, оказывается, вписывается и деятельность ЖФХ. «Его руководство в своей групповой практике дошло до тех границ, где уже приходится ставить вопрос о нарушении патриотического долга перед советской

наукой» [14, л. 78]. Эти нарушения состоят в замалчивании большой группы советских ученых — профессоров вузов.

В юбилейном номере им было уделено всего 5% общего объема. Львиная же доля материала отдана академическим ученым из группы Фрумкина, причем преимущественно с нерусскими фамилиями.

Не успели в ЦК прочитать это письмо, как Кобозев присыпает другое под названием «О торможении моих научных исследований и их продвижения в промышленность» [6, л. 128–157]. Мы уже цитировали историческое введение этого письма (см. выше). Главная же часть состоит из двух разделов. Первый — «Замалчивание моих работ». В этом разделе Кобозев сразу же, чтобы не было каких-либо сомнений в его патриотизме (а ему пришлось далее цитировать западных ученых, чтобы доказать свой приоритет), высказывается о своем отношении к западным ученым: «Мое отношение к иностранщине четко проявлено более чем за 20 лет научной работы: я всегда считал антипатриотичным искание контактов с буржуазными учеными и ни с кем из них не поддерживал ни личных, ни письменных отношений, хотя к этому представлялись частые возможности на физико-химических конференциях, устраиваемых Фрумкиным и Семеновым с широким привлечением иностранцев. Мои отношения с зарубежными учеными исчерпывались отсылкой оттисков моих работ и притом только в тех случаях, когда они сами об этом просили. После прихода к власти Гитлера в Германии и агрессивной военщины в Японии, я перестал удовлетворять просьбы немецких и японских ученых. Поэтому я уверен, что мои ссылки на иностранную научную печать будут поняты в должном смысле» [6, л. 135].

Далее Кобозев подробно рассказывает о всех перипетиях борьбы за свой приоритет (см. выше), подкрепляя его ссылками на иностранных физико-химиков. Вывод Кобозева весьма решителен: «Если не пресечь антипатриотическую практику группы Фрумкина–Семенова по задавливанию всякой оригинальной отечественной физико-химической идеи и теории, то результат может быть только один: Советские физико-химические идеи, отведенные от своего естественного русла, будут оплодотворять чужую науку» [6, л. 142].

Во втором разделе письма идет речь уже о собственно торможении промышленной реализации новых химических процессов, разработанных группой Кобозева. Причина торможения — происки группы Фрумкина–Семенова, которые сами, по мнению Кобозева, технологически бесплодны.

Однако Кобозеву уже трудно удержаться в рамках научной и технической темы, его все время сносит на политические обвинения. Вот как он заканчивает письмо: «Но не является ли подобная „брехология“ — когда кажутся убедительными только статьи, написанные на иностранном языке, и подписанные иностранными фамилиями, — самой низкопробной и вредной формой раболепия перед иностранницей? Эта „брехология“ в течение почти двадцати лет культивировалась Фрумкиным и Семеновым на самой организационной вершине советской науки — в Академии Наук СССР, и удивительно ли, что она успела пропитать на значительную глубину Советскую Химию и Технологию» [6, л. 157].

В ЦК ВКП(б) на эти обвинения реагировали весьма интересно. Главное внимание партийные органы обратили не на научные и технические вопросы, а на противостояние как таковое, включающее обвинения в монополизации и антипатриотической деятельности. Отдел науки (завотделом Ю. А. Жданов) попросил ведущих специалистов высказать свое мнение об общем положении физической химии в стране. Один из ответов пришел от заведующего лабораторией адсорбции физического факультета МГУ А. В. Киселева [14, л. 121–127] — человека, близкого Кобозеву. Поэтому ничего нового по сравнению с письмами самого Кобозева и Васильева ответ Киселева не содержит, за исключением жалобы на Ребиндера, у которого с Киселевым возникли разногласия на научной почве.

Что же касается статьи Кобозева в газету «Культура и жизнь», то в ЦК ответил замредактора этой газеты П. Сатюков [14, л. 107]. По его мнению, статья Кобозева посвящена разбору только одного, юбилейного, номера журнала. В связи с этим редакция просила Кобозева дать обзор других номеров, что и было им сделано через несколько месяцев. Кроме того, сообщает Сатюков, в сектор науки ЦК поступили и другие материалы по этой теме. После их обобщения будет рассмотрен вопрос о выступлении в газете.

Отдел пропаганды и агитации ЦК провел проверку приведенных в письмах фактов и, как написано в справке, направленной в секретариат ЦК ВКП(б) Ждановым, «обратил внимание Президиума АН СССР на серьезные недостатки, имеющие место в работе ИФХ» [14, л. 163]. Почему именно на ИФХ обратили внимание партийные органы, а не на общее положение дел в физической химии, как это требовали профессора вузов, более или менее понятно. Разбираться в сложных научных проблемах целой области науки и в не менее сложных отношениях работающих там ученых ЦК явно не под силу, да и рискованно, учитывая комплекс общественных и личных проблем. Другое дело конкретный институт, где директором, обвиняемым в антипатриотической деятельности, сам Фрумкин. Проверкой легко установить нарушения, хотя бы в общественной и политико-воспитательной работе.

Такая проверка была поручена бюро Ленинского райкома ВКП(б), который заслушал на своем заседании доклад секретаря партбюро ИФХ Перминова на тему «О ходе выполнения решения ЦК ВКП(б) о подготовке, расстановке и использовании научных кадров в Академии наук СССР и указаний ЦК ВКП(б), данных в закрытом письме по делу профессоров Клоевой и Роскина парторганизацией института» [14, л. 108–109]. В решении бюро райкома было отмечено неблагополучное положение с кадрами и воспитанием «среди научных сотрудников советского патриотизма» [14, л. 108]. В институте не изжита практика подбора и расстановки научных кадров по семейным и приятельским отношениям. Несмотря на неудовлетворительную работу, продолжает работать Шехтер лишь потому, что является женой члена-корреспондента Рогинского и его подчиненной. В 1947 г. из Института им. Карпова была переведена группа сотрудников Фрумкина,

хотя часть их (Бурштейн, Левина)* не представляют ценности для института. Прослойка коммунистов неудовлетворительна. Из 17 докторов наук коммунистов всего двое, из 14 заведующих лабораториями — всего один. Бюро констатировало, что в ИФХ проводилось мало мероприятий, направленных

на воспитание советского патриотизма. В октябре 1947 г. состоялось заседание Ученого совета, где с докладом «О патриотическом долге советских ученых» выступил директор института Фрумкин. Однако, констатирует бюро, заседание прошло на низком уровне и вылилось в перебранку между членами Совета.

Бюро постановило снять секретаря партбюро. На Фрумкина же оно не смогло наложить никакого взыскания, так как он не был членом партии. Однако его вызвали в отдел пропаганды и агитации ЦК, где «ему было указано на недостатки в работе Института физической химии. Академик Фрумкин признал, что в своих прежних работах он допускал недочеты классиков русской хи-

*А. Н. Фрумкин, С. Д. Левина, Р. Х. Бурштейн
в лаборатории Физико-химического института
им. Л. Я. Карпова (начало 30-х гг.)*

мической науки» [14, л. 163]. А что ему оставалось делать?

Итак, Кобозев и ведомые им профессора вузов и здесь не добились желаемой цели. Все оставалось на своих местах.

8

Вялая реакция ЦК ВКП(б) не остановила борьбу Кобозева и его соратников против группы Фрумкина. Как раз в это время готовилось Всесоюзное совещание физиков, которое должно было осуществить расправу над так называемыми «физическими идеалистами» — физиками, методологические взгляды которых, основанные на новой физике, не совпадали с официальными догматическими диалектико-материалистическими [2].

* Р. Х. Бурштейн и С. Д. Левина — известные физико-химики, доктора химических наук, лауреаты Сталинской премии.

С конца декабря 1948 г. по март 1949 г. работал оргкомитет по подготовке этого совещания, где обсуждались предполагаемые доклады и выступления. Поскольку на заседаниях оргкомитета сильно звучала и тема борьбы с космополитизмом, Кобозев и Васильев решили и здесь осудить антипатриотическую деятельность группы Фрумкина–Семенова. Они представили в оргкомитет тезисы своих предполагаемых выступлений. И хотя эти тезисы не обсуждались на заседаниях, они остались в приложениях к стенограммам заседаний оргкомитета.

Предполагаемое выступление Кобозева имело название «Состояние советской физической химии и ее ведущие задачи» [15, л. 171–192]. Первый ее тезис: есть физическая химия, а химическая физика — это «мертворожденная, никчемная дисциплина» [15, л. 178]. Иллюстрацией этого служат крупные неудачи Института химической физики — взрывное окисление азота (Семенов, Зельдович), окисление азота на основе эффекта Рамзауэра (Зельдович), холодно-плазменное окисление углеводородов (Нейман). Поэтому «понятие химической физики излишне и антипатриотично. Мы (Кобозев. — А. С.) предлагаем изъять его из советской науки» [15, л. 188].

Вот так, ни много ни мало, взять и «изъять» целую научную дисциплину, завоевавшую свое место в системе химических наук.

Тезис второй, тоже не новый: руководство физической химией захватила группа Фрумкина–Семенова, поделившая все посты в Академии и в журналах. «Порочная сторона деятельности Фрумкина, — пишет Кобозев, — это последовательный научный космополитизм и разрыв с великими традициями русской науки и культуры, с ее идейной самостоятельностью, ставкой на крупные решающие проблемы, с тесной связью с запросами жизни, постоянным служением своему Народу и Родине. Сам Фрумкин во всю свою научную жизнь развивал и развивает чужие и притом исключительно импортные концепции: Лангмюра, Гуи, Штерна, Бронстеда, Мюллера, Фольмера, Поляни и ни разу не отважился на высказывание самостоятельной научной идеи» [15, л. 183].

Как видим, в пылу развернувшейся кампании Кобозев уже использует модное слово «космополитизм», ставя Фрумкина в один ряд с «бездонными космополитами» от литературной критики, музыки, кино и т. д. В 1949 г. это было уже очень серьезное обвинение.

Для усиления доказательства космополитизма всей группы Фрумкина Кобозев опять напоминает о посвящении книги Семенова «Цепные реакции» Аррениусу и Вант-Гоффу: «Подобное посвящение, — комментирует Кобозев, — представляет, кажется, единственный случай в истории русской науки» [2, л. 185]. Далее, сообщает Кобозев, в статье молодого сотрудника Фрумкина Темкина на 12 страницах иностранные ученые цитируются 126 раз. По мнению Кобозева, этот «анекдотический факт» — яркий пример космополитизма всей группы.

Тезисы Васильева выдержаны в том же духе [15, л. 193–201]. Он обвиняет группу Фрумкина в «космополитических устремлениях», в том, что «идейным лозунгом этих людей является: „Свет идет от Запада“». В результате но-

сители таких идей идут по пути лакейского подражания иностранцам» [15, л. 200–201].

Как известно, Всесоюзное совещание физиков не состоялось — власти вовремя поняли, что учини они такой же разгром физики, как это сделали с генетикой, страна не получила бы атомной бомбы. Поэтому предполагавшиеся выступления Кобозева и Васильева прозвучали всего-навсего холостыми выстрелами. Но ответ на них последовал адекватный.

В 1948 г. Кобозев опубликовал в «Бюллетеине Московского общества испытателей природы» две работы. В одной из них развивается оригинальный подход к кинематике живых организмов [16]. Кобозев считал, что любое движение живых существ содержит два компонента: неупорядоченный (броуновский) и направленный (векторный). Броуновский компонент преобладает в случае, когда отсутствует направляющее векторное поле, которое может иметь различную природу, например свет, пища и т. п. Движение такого организма напоминает броуновское движение мельчайших частиц. При наличии векторного поля движение живого организма приобретает направленный характер.

Кобозев предложил способы выделения броуновского и векторного компонентов и применил их к анализу движения различных живых существ — божьей коровки, планарии, тли, ужа и т. п. При этом, чтобы убрать векторный компонент, Кобозев травмировал живые существа.

Идея о векторно-броуновских процессах была впоследствии связана Кобозевым с термодинамикой информации и мышления и легла в основу его книги «Исследования в области термодинамики процессов информации и мышления» [17].

Вторая статья [18] явилась как бы комментарием к книге Э. Шредингера «Что такое жизнь с точки зрения физики», вышедшей в русском переводе в 1947 г. В статье автор критикует два основных положения Шредингера: скачок энтропии в момент смерти живого организма и введенное им понятие об «отрицательной энтропии». Последнее понятие Кобозев предлагает заменить на предложенные им в первой статье термодинамические параметры, связанные с векторно-броуновскими компонентами.

По материалам этих статей Кобозев сделал доклад на философском семинаре химфака. Доклад вызвал содержанную реакцию малопонимающих в вопросах биологии химиков, но резкую философскую критику за попытку свести поведение живых существ к физико-химическим закономерностям. Кобозева поддержали лишь его сотрудники Ю. Филиппов, О. Полтрак и С. Васильев.

Обе вышедшие статьи вначале не были замечены научной общественностью, тем паче потому, что опубликованы они были в журнале, не пользующемся вниманием специалистов. Но в начале 1950 г., когда противостояние группы Кобозева и Фрумкина немного поутихло, вдруг на страницах популярной у интеллигенции «Литературной газеты» появилась статья члена академической группы В. И. Гольданского «Лженаучные вымыслы проф. Н. Кобозева» [19].

В начале статьи речь идет о теории векторно-броуновского движения. Без всяких доказательств Гольданский объявляет ее «образцом лженауки, открытой пропагандой идеалистических и механистических взглядов». «Вместо специфических законов развития, — продолжает он развивать свою мысль, — проф. Кобозев выдумывает некие „общие категории“ действительности, всю бесплодность и пустоту которых заклеймила марксистская наука... Попытка же автора распространить законы броуновского движения на явления биологии и психологии — проявление предельного формализма, механистическое и совершенно недопустимое перенесение какой-то математической зависимости на явления живой природы».

Особое возмущение Гольданского вызвала вторая статья Кобозева, где он указывает, что его идея о векторно-броуновском движении пересекается с идеями Шредингера. Широко известно, пишет Гольданский, что книга Шредингера подверглась «сокрушительной критике нашей научной общественности как образец неприкрытой пропаганды идеализма и поповщины в буржуазной науке». И в заключении: «Свежий ветер научной критики после августовской сессии ВАСХНИЛ, видимо, не затронул еще по настояющему некоторые факультеты Московского университета. А в этом есть большая необходимость!» [19].

Из приведенных цитат видно, что критика Гольданского не основана ни на научных, ни даже на философских аргументах, она скорее носит идеологический характер — клеймит за якобы идеалистические и механистические взгляды. Такой прием был в те годы в большом ходу у различных обличителей «физического идеализма», «лженауки кибернетики» и, конечно, «буржуазной генетики». Но «на войне, как на войне» — на обвинение в космополитизме следует обвинение в идеализме!

Последняя фраза в статье Гольданского явно бросала камень в огород химического факультета. По тем временам прямое указание в печати на отсутствие «свежего ветра» научной критики после августовской сессии ВАСХНИЛ могло дорого обойтись руководителям факультета. Поэтому уже через 4 дня после выхода статьи Гольданского собрался специально созданный Ученый совет химфака для рассмотрения статей Кобозева и Гольданского [20, л. 6–7]. Совет постановил созвать комиссию для составления ответа на критику Гольданского в свой адрес.

15 февраля 1950 г. Ученый совет собрался вновь [20, л. 8–9]. На нем было оглашено письмо Кобозева, где он признает некоторые недостатки своих статей, но поскольку он до сих пор не получил стенограммы философского семинара, то не считает возможным отвечать на критику по существу. Однако не Кобозев с его векторно-броуновским движением беспокоит членов Ученого совета: нужно было отвечать на упрек Гольданского об отсутствии «свежего ветра научной критики». И тут Совет выбрал наилучший способ обороны — он сам перешел в наступление. В его решении указывалось, что статья Гольданского есть компиляция, так как она написана по материалам философского семинара химфака вплоть до текстуальных совпадений. Поэтому обвинения Гольданского в отсутствии «свежего ветра» не-

правомочны. А сам Гольданский с его компиляцией совершил, как член партии, неэтичный поступок, о чем и сообщено в парторганизацию Института химической физики, где он работал.

Так закончился еще один раунд противостояния.

9

После вмешательства ЦК ВКП(б) стало понятным, что хотя он и осуждает антипатриотические высказывания Фрумкина, никаких репрессий к нему и членам его группы применено не будет — слишком велик научный авторитет этих ученых и слишком большой вклад они внесли в советскую науку и обороноспособность страны. Такое положение дел развязало руки администрации МГУ, и санкции в отношении противоположной стороны, хотя и с некоторым опозданием, но последовали неотвратимо. Но Кобозева они не коснулись, — видимо, по той же причине, по которой ЦК не тронул Фрумкина.

25 мая 1951 г. на химфаке проходило обсуждение сборника «Периодический закон Д. И. Менделеева и его философское значение». Этим поводом воспользовался Васильев и выступил с уже известным нам осуждением Фрумкина за его «принижение» значения Менделеева. На следующий день состоялось заседание Ученого совета, на котором сотрудники кафедры электрохимии обвинили Васильева в клевете. Для выяснения этого инцидента была создана специальная комиссия.

Затухавший было конфликт грозил вспыхнуть с новой силой. Для того чтобы его заглушить, администрация МГУ и химфака решила избавиться от Васильева, одного из главных действующих лиц группы Кобозева. Повод к этому легко нашелся. Дело в том, что, хотя Васильев занимал должность профессора кафедры физической химии с 1943 г., он не проходил по конкурсу, как это принято в вузах, оставаясь фактически «исполняющим обязанности». Поэтому тут же был объявлен конкурс на замещение его должности.

Васильев узнал об этом за четыре дня до истечения срока подачи документов. Его вызвали в деканат, где декан А. В. Новоселова, замдиректора Института химии при химфаке П. А. Акишин и завкафедрой физической химии А. В. Фрост предъявили ему целый ряд претензий — неудовлетворительное чтение лекций (перегруженность математикой, отсутствие критики идеализма и взглядов Бора–Резерфорда, Полинга, Шредингера), отсутствие собственных экспериментальных работ, а также неучастие в общественной жизни химфака. В связи с этим руководство настоятельно рекомендовало Васильеву не подавать документы на конкурс.

Васильев все же успел подать документы. Но конкурсная комиссия высказалась против его кандидатуры [21, л. 1]. Не встретила она поддержки и на Ученом совете химфака [22, л. 45–46]. Выступивший замдекана Н. В. Костин высказал в адрес Васильева известные нам претензии и мнение конкурсной комиссии. Кандидатуру Васильева поддержал лишь

Фрост, зато резко против выступили Ребиндер и секретарь парткома Е. А. Морозова. В результате тайного голосования Ученый совет 19 голосами из 21 провалил кандидатуру Васильева.

Васильев тут же пишет в ЦК Жданову, объясняя расправу над ним присками группы Фрумкина: «Действительную причину поднятой против меня кампании следует искать в желании определенной группы на химическом факультете избавиться от меня как от „неспокойного человека“, часто выступающего с критикой космополитических установок акад. А. Н. Фрумкина и научных ошибок акад. Н. Н. Семенова» [23, л. 196].

Пишет он и ректору МГУ Петровскому [23, л. 211–215], и секретарю ЦК Маленкову [23, л. 216–221]. Последнему он пишет: «Все это могло бы казаться совершенно непонятным, если бы за всем этим не скрывалась работа космополитической группы академика А. Н. Фрумкина, антипатриотические и научно-бесплодные установки которой мною неоднократно критиковались как в открытых общественных выступлениях, так и в записках, поданных в ЦК ВКП(б)» [23, л. 218].

В поддержку Васильева пишет в ЦК и Кобозев [23, л. 164–169; 171–172]. Он характеризует его как лучшего лектора на кафедре физической химии, как одного из «наиболее крупных и плодовитых советских исследователей в области газовой электрохимии» [23, л. 169]. Кобозев задает риторический вопрос — кому выгодно удалить Васильева из МГУ? — и сам отвечает: «Можно указать только на одного „третьего радующегося“ — на космополитическую группу А. Н. Фрумкина, которую С. С. Васильев неоднократно открыто разоблачал и критиковал. К сожалению, на химическом факультете имеется немало лиц, которые опасаются развития критики и видят в С. С. Васильеве только „бестактного“ и „неспокойного“ человека, для чего-то нарушающего нормальную жизнь факультета ненужными дискуссиями. Уход проф. С. С. Васильева — это большая потеря для университетской школы физической химии и, одновременно, крупный успех группы Фрумкина, прямое усиление его позиций на факультете» [23, л. 172].

Отдел науки ЦК ВКП(б) начал рассмотрение этого дела. Запросили характеристику с факультета. Естественно, что она была сугубо отрицательной [23, л. 170]. Васильеву предложили написать объяснение. В нем он счел необходимым подчеркнуть, что читал теоретическую физику «на марксистском уровне, цитируя „Диалектику природы“ Энгельса и Ленина о неисчерпаемости электрона» [23, л. 173]. Кроме того, он критиковал идеалистическую теорию резонанса и защищал приоритет русской науки.

Пока это дело рассматривалось в ЦК, Васильев подал жалобу в Ученый совет МГУ. 2 июля 1951 г. его жалоба была рассмотрена на заседании Совета и отклонена как необоснованная [23, л. 189]. Об этом исполняющий обязанности ректора К. А. Салищев тут же сообщил в ЦК, приложив еще одну справку с отрицательной характеристикой Васильева [23, л. 190–191] и, что самое главное, справку из отдела кадров МГУ [23, л. 189], которая окончательно развеяла надежды Васильева на восстановление.

В этой справке, подписанной помощником ректора по кадрам К. И. По-

чекуевым, сообщается, что Васильев не имеет допуска к секретным работам по следующим причинам: во-первых, в 1924–1925 гг. он, вместе с Кобозевым, примыкал в МГУ к студенческой антисоветской группировке; во-вторых, отец его жены был осужден за контрреволюционную деятельность; в-третьих, в 1939 г. ближайший сотрудник Васильева некто Кобрин был арестован за шпионскую деятельность. В связи с последним событием по рекомендации «соответствующих органов» Васильев был уволен из МГУ и смог вернуться туда лишь в 1943 г.

Эта справка поставила точку в деле Васильева. 12 сентября 1951 г. заместитель заведующего сектором отдела науки ЦК С. Сдобнов и инструктор сектора В. Шуршалов докладывают Маленкову, что разобрались с делом Васильева [23, л. 226]. Они сообщают, что ректор МГУ Петровский, секретарь парткома Прокофьев и председатель профкома Морозова считают решение Ученого совета МГУ и химфака правильными. Поэтому оснований к пересмотру данного вопроса нет. Тем паче, что Васильев уже работает заведующим кафедрой физической химии Московского института легкой промышленности.

Так закончился гласный, общественно-политический этап этого удивительного противостояния. Но само противостояние на этом не окончилось.

Оно затихло, перестало носить открытый характер, переместилось в научную плоскость и долго еще портило жизнь целому поколению советских физико-химиков.

По ходу рассказа мы уже касались тех или иных причин этого противостояния. Это — соперничество школ за лидерство, честолюбивые амбиции отдельных ученых, искусственное разделение единой науки на академическую (привилегированную) и вузовскую (второсортную) и отсюда борьба последней за общественное признание и источники финансирования. Все эти причины могли породить похожие конфликты в любой развитой стране мира. Правда, в большинстве таких стран академической науки в нашем понимании нет, однако противоречия могут пере-

A. N. Фрумкин в последний год жизни. Фото 1975 г.

нестись, например, на вузовскую столичную и вузовскую периферийную или на вузовскую и фирменную науки. Но ни в одной стране мира, кроме, естественно, «социалистического лагеря», такого рода конфликты не выливались в уродливо-идеологические формы, которые мы видели выше. Борьба с космополитизмом и идеализмом, бушевавшая в общественной жизни нашей страны в 40–50-е гг., явившаяся не чем иным, как борьбой со свободомыслием интеллигенции, дала в руки конфликтующих сторон мощное идеологическое оружие для достижения своих целей. И нужно было обладать мужеством и высокой порядочностью, чтобы не воспользоваться этим оружием. К чести академических физико-химиков, они в целом оказались на высоте.

Автор благодарит В. С. Багоцкого, Б. Б. Дамаскина и О. А. Петрия за обсуждение материалов этой статьи и конструктивную критику.

Список литературы

1. Горелик Г. Е. Физика университетская и академическая // ВИЕТ. 1991. № 2. С. 31–46.
2. Сонин А. С. «Физический идеализм». История одной идеологической кампании. М., 1995.
3. Николай Иванович Кобозев // Вестник МГУ. Химия. 1974. № 4. С. 506–508.
4. Александр Наумович Фрумкин. *Очерки, воспоминания, материалы*. М., 1989.
5. Соловьев Ю. И. Месть обскуранта // Вестник РАН. 1994. Т. 64. С. 840–847.
6. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 618.
7. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 363.
8. Архив РАН. Ф. 463. Оп. 1. Ед. хр. 5.
9. Архив РАН. Ф. 463. Оп. 15. Ед. хр. 2.
10. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 363.
11. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 618.
12. Вклад русских ученых в науку об атоме // Комсомольская правда. 1948. 24 марта.
13. Капица П. Л. Доклад об организации научной работы Института физических проблем Академии наук СССР // Вестник АН СССР. 1943. № 6. С. 75–89.
14. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 618.
15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9396. Оп. 1. Ед. хр. 264.
16. Кобозев Н. И. Элементы общей теории векторно-броуновских процессов и законы биологической кинематики // Бюлл. МОИП. Биол. 1948. Т. 53. № 1. С. 3–29.
17. Кобозев Н. И. Исследования в области термодинамики процессов информации и мышления // Избр. тр. Т. 2. М., 1978. С. 3–240.
18. Кобозев Н. И. Несколько критических замечаний о книге Э. Шредингера «Что такое жизнь с точки зрения физики» // Бюлл. МОИП. Биол. 1948. Т. 53. № 3. С. 31–35.
19. Гольданский В. И. Лжен научные вымыслы проф. Н. Кобозева // Литературная газета. 1950. 4 февраля.
20. Архив МГУ. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 2.
21. Архив МГУ. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 8.
22. Архив МГУ. Ф. 4. Оп. 2. Ед. хр. 7.
23. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 618.